

Цалихан Калижанов

доктор филологических наук,
член-корр. НАН РК, директор Института
литературы и искусства им. М. Ауэзова

ПУТЬ К АУЭЗОВУ

Если Абай – олицетворение духа нации, то открыл его миру незабвенный Мухтар.

Именно с этой точки зрения я хотел бы раскрыть роль Мухтара Ауэзова в современной литературе и науке Казахстана. У каждого народа есть свои великие личности, над памятью о которых не властно время. Они, являясь символом нации, превращаются в общечеловеческую ценность. Для англичан это Шекспир, для французов – Бальзак, для русских – Пушкин, для индусов – Тагор, для узбеков – Навои, для туркмен – Мақтумқули, для азербайджанцев – Низами, а для казахов, конечно же, – Абай. А показавший его величие и гениальность Мухтар Ауэзов сам стал столпом казахской литературы XX века.

Мухтар Ауэзов занимает достойное место у истоков золотого века казахской литературы. Это писатель, ученый, учитель, драматург и критик, стоящий во главе нового всплеска казахской цивилизации, гений, обладавший поистине энциклопедическими знаниями.

Великий художник слова пришел в литературную жизнь в сложный период распада феодального общества, когда в Казахстане, минуя капиталистический этап, начали строить социалистическое общество. Однако он не стал подстраиваться под вызовы времени, не стал борцом за советскую действительность или ее глашатаем. Весьма точно к этому времени подходят гениальные слова китайского мыслителя Конфуция: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен».

Мухтар Ауэзов не был ни красным орлом, ни буреви́стником революции. Он воплощал великие цели, обусловленные прежде всего духовными ценностями. Это был дерзкий, в то же время нелегкий и порой мучительный писательский путь, который вывел его в ряды признанных миром мастеров пера. Этот путь привел его к степени академика и к Ленинской премии СССР. Этот путь поднял Мухтара Омархановича на уровень подлинно народного писателя. А признанное народом человека не могут вычеркнуть из истории ни стремительно бегущее время, ни меняющееся общество. Каким человеком был Мухтар Ауэзов? Как он достиг народного признания и любви, каковы пути формирования его передового мировоззрения? Теперь, по прошествии многих лет, когда молодое поколение нового Казахстана знакомится с великим классиком в основном через Интернет, для многих остаются неизвестными сложные зигзаги жизненного пути великого писателя.

Абай поднял Мухтара на высокий пик литературы, а Мухтар познакомил с Абаем весь мир. Это – истина!

Раскрывая образ и значение личности Абая, Мухтар Ауэзов вникал в историю и духовные ценности казахов, национальные обычаи и традиции, легенды и предания, фольклорное наследие. Это формировало жизненные принципы самого Мухтара Омархановича.

Какие же это принципы?

- Через ознакомление с великим наследием нации служить своему народу.
- Через чистоту и святость национального наследия пробуждать сознание народа.
- Через пропаганду духовного наследия народа воспитывать молодое поколение.

Таким образом, через знакомство с Абаем Мухтар Ауэзов вырос до классика казахской литературы.

Велико наследие Мухтара Ауэзова как теоретика и ученого, внесшего огромный вклад в исследование духовного наследия тюркоязычных народов, заложившего основы абаеведения. Неслучайно целая плеяда научной и творческой элиты Казахстана XX века считает его своим Учителем.

На формирование взглядов самого Мухтара в начале жизненного пути огромное влияние оказали идеи Алаша, в числе сторонников которого он прошел свою политическую школу. Ведь еще «20-летний Мухтар Ауэзов воспринял цели и задачи правительства Алаш-Орды как свою жизненную цель и принял активное участие в его работе», отмечают в предисловии к собранию сочинений классика И. Тасмагамбетов и Т. Журтбай («Гылым», 1997).

В рукописном фонде Мухтара Ауэзова (папка 382) есть его сведения о себе. Он пишет: *«То долго болея, то пропуская занятия, в 1919 году все-таки завершил учебу в семинарии. В этот период произошел февральский переворот, затем установление Советской власти, и я подключился к общественной работе. В 1918 году вплотную занялся издательской деятельностью и начал издавать журнал «Абай». Публиковались в нем не лирические произведения, а пустые и бесцельные статьи о детстве и молодежи».*

Судьба привела Мухтара в журнал «Абай». Но работа в журнале, где содержание не соответствовало названию, не увлекла его. Внутренние противоречия раздирали его душу. Это можно заметить по статье М. Ауэзова «Сверстникам по учебе»: *«Основа будущего народа – сильная справедливость, строгая власть. Теперь среди народа не должны действовать повеления жирных лиц, а должны обретать силу административные законы. А если будут продолжать властвовать и быть уважаемыми жуан ата (зажиревшие старшины), то все связанное с независимостью и автономией будет таковым только снаружи, а внутри окажется пустым. Если прежнее время терпело такое состояние, то новое время не вытерпит... Это должен понимать и учитывать каждый».* (М. Ауэзов. Собрание сочинений: в 20 т. Алма-Ата, 1984. Т. 15, с. 10).

Мухтар Ауэзов чувствует, что выбранный правительством Алаш-Орды в составе России путь хотя и верный, но он не даст возможности создания самостоятельного государства. И эту мысль высказывает искренне и открыто.

1 декабря 1919 года при Семипалатинском губернском революционном комитете открывается казахский отдел, и Мухтар Ауэзов возглавляет одно из его подразделений. Будто нашлось потерянное и вспыхнуло угасшее! Он пришел к мысли: наступило его время поработать на народ. И эту службу он считал уделом и задачей всей грамотной молодежи. Поэтому М. Ауэзов написал «Открытое письмо к казахскому читателю», в котором призывает народ активно участвовать в общественной жизни: *«В эти дни все читатели должны активно трудиться, поверить и поддержать эту власть. Наряду с этим в государственных учреждениях должны удовлетворять нужды и жалобы оставшихся не у дел казахов. Нет причины избегать этого и устраивать на них гонения. Советская власть не изгоняет тех, кто, даже имея за собой большую вину, желает приносить своей работой пользу. Если же образованные казахи будут убежать из страха перед Советской властью, я скажу им одно: любой из образованных людей, который может принести хоть небольшую пользу, должен поскорее прибыть в город и устраиваться на работу... Если образованные люди думают о народном благе, чем болтаться без дела, все должны приехать».*

Это ярчайший пример национального патриотизма. Мухтар Ауэзов выражает горячее желание, чтобы люди, не заблуждаясь, нашли свое место в новой жизни, ведь чем больше будет образованных людей на государственной службе, тем скорее откроются глаза казахов, глаза народа.

Позднее, когда Советская власть начала воплощать идею строительства единого государства, он прервал свою политическую деятельность. Остался лишь один путь выхода из кризисного состояния – это литература: огромный, безбрежный мир, в который писатель может вместить все. Белый лист и перо вознесли Мухтара Ауэзова на самый высокий пик литературы, и, повелевая миром художественной фантазии, он превратился в падишаха слова...

Именно в литературе Мухтар Ауэзов увидел прекрасную возможность донести до народа свое слово и свои взгляды. Сначала он написал драму «Ел ағасы» в четырех действиях, однако она была бесследно утеряна. А вот у драмы «Бәйбіше – тоқал» («Жены-соперницы»)

иная судьба: это сочинение до сих пор не сходит со сцен театров. И хотя каждый режиссер ставит ее по-разному, основной лейтмотив пьесы неизменен. Ненавидевшие друг друга байбише и тоқал, когда приходит русский офицер, буквально расстилаются перед ним. Сила авторской ремарки такова, что М. Ауэзов точно передает трагедию казахского бытия через обычные картины жизни, выворачивая на обозрение всем внутреннюю боль и отчаяние.

В 1921–1922 годах над головами казахов нависли черные тучи: народ охватил голод. В этот драматический период полностью сформировались взгляды молодого Мухтара. Теперь невозможно было ни терпеть, ни молчать, и он выплеснул все накипевшее на душе на заседании совета казахских государственных служащих.

«Если говорить правду, то на фоне гибели от голода народа в глубинке проявления голода в городах кажутся игрой. Если сейчас же в срочном порядке не будут приняты меры спасения от голода в этих районах, то Казахская республика останется без казахов... Мало того, что это дело нельзя оставлять в таком виде. Для вас, сидящие у власти казахские служащие, это преступление. Мы за это в ответе перед казахским народом и перед своей совестью».

Глубоко переживая эту трагедию, М. Ауэзов открыто высказывал горькую правду. Такие слова, конечно, мог говорить только бесстрашный, болеющий за свой народ человек.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю простых людей, тревожили сердце Мухтара Ауэзова. Видеть такое преступление и быть сопричастным к нему было страшнее смерти. Оставив службу, он отправился в Ташкент, где поступил вольнослушателем в Среднеазиатский университет, а затем перевелся в Ленинградский университет. И даже находясь вдали от родины, он не мог вычеркнуть ее видения из сердца. Родившиеся из-под его пера ранние рассказы «Қыр суреттері» («Картины гор»), «Жас жүректер» («Молодые сердца»), «Заман еркесі» («Баловень эпохи»), «Кім кінәлі» («Кто виноват») сразу сделали его имя известным широкому кругу читателей. Но если успех молодого таланта обрадовал одних, то у других вызвал только лютую злобу и зависть.

Во втором номере журнала «Шолпан» 1922 года было опубликовано открытое письмо Мухтара Ауэзова деятелям литературы, в котором он откровенно высказал свои мысли о месте печатных изданий в обществе и о том, какие материалы нужно писателям предлагать читателям.

«...Это время появления и усиления печатных изданий. Однако их число возрастает, но качества нет, и, если исходить из желания казахских масс, они похожи на пустословие. Употребляется очень много новых трудных слов. Разве они вошли через литературу в ум и дух казахов? Нет, не вошли... Эти публикации отдают холодом и не востребованы. Потому что не отражают большие темы народа и не находят своего читателя.

...До сегодняшнего дня нет дешевле слов, чем в нашей печати...

...Задача писателя: понять, что интересует народ, чего он жаждет и к чему стремится, понять его дух. Именно в этом ключе нужно писать.

...Сейчас в некоторых печатных изданиях в большинстве идет хвастовство казахов.

...Открыть дорогу чистой литературе, улучшить ее – главный долг сегодняшнего дня...»

С тех пор прошло 95 лет, но эта болезнь свойственна казахским печатным изданиям до сего дня. И здесь есть над чем задуматься. Вполне понятно, что это письмо Мухтара Ауэзова сильно задело стоящих у власти партократов, занятых поисками врагов. Над носителями честной мысли начали сгущаться тучи. Теперь борьба с «инакомыслием» стала частью государственной политики. И за такую статью правительство более не могло благоволить к Ауэзову.

Кто же был в числе этих «инакомыслящих»? Это – Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов, Жусипбек Аймаутов, Магжан Жумабаев, Мухтар Ауэзов, Даниал Искаков, Жанша Досмухамедов, Кошке Кеменгерулы и другие деятели Алаша.

Таким образом, Мухтар Ауэзов оказался в стороне от пролетарской литературы, а стал писателем, который ставил выше требований нового времени святые духовные ценности прошлых эпох. Его трагедия «Қарагөз» стала мишенью для критических стрел блюстителей социалистической нравственности и в конце концов была снята из репертуара. Через трагическую жизнь героев пьес «Қарагөз», «Бәйбіше – тоқал», «Сирота», «Қаралы сұлу», «В тени прошлого» Мухтар Ауэзов проводил мысли о времени и судьбе казахов. Эти про-

изведения были нужны для пробуждения народа. Однако, образно говоря, это было время «выискивания грязи под ногтями», когда легко очернить любого.

Совершенно справедливы слова И. Тасмагамбетова и Т. Журтбая, авторов предисловия к изданию 50-томного собрания сочинений Мухтара Ауэзова: «В «Карагоз» Ауэзов раскрыл назревшие вопросы того времени, передал гнев отчаяния и сожаления простого народа. Критики, приверженцы нового общественного развития, в каждом слове и точке искали скрытый смысл и намек. Для них «Карагоз» был скорбной песней по прошлому, тоской по кочевой жизни. Даже в монологе Сырыма над могилой Карагоз они усмотрели наставления Корана». Эти точно сказанные строки передают горькую правду того времени.

Одним из литературных путей Мухтара Ауэзова к началу работы над эпопеей «Абай» стала пьеса «Енлік – Кебек». Огромную работу по исследованию истории, архитектоники, художественных достоинств и образов этой пьесы провел основоположник теории драмы, академик, доктор филологических наук профессор Рымгали Нургалиев. Подчеркивая, что предание «Енлік – Кебек» было изложено в четырех вариантах (два рассказа и две поэмы) и они близки по содержанию, Рымгали относит его к любовной трагедии, рожденной из конфликта найманов и тобыкты. Приводя конкретные примеры, он разъясняет причины нападок критиков того времени на пьесу Ауэзова. Хотя многие из сегодняшних ученых не знают этого, причина, оказывается, была в следующем. М. Ауэзов сам написал вступление к «Енлік – Кебек», в котором отметил: «До сих пор царят вражда и ссоры между близкими, нет единства, спаянности и мирного покоя в народе. Живем по принципу: пусть лучше придет первым на скачках конь из их аула, чем скакун Алаша. Как не было мира, согласия и спокойствия в казахском народе, такими и остались казахи. Сами лишились силы и энергии. Сами, грабя друг друга, повязали свои руки, и до сих пор у казаха не исчез этот характер. Незабываемые привычки, неизлеченная болезнь преследуют его» (М. Ауэзов. Енлік – Кебек. Оренбург, 1922).

Трудно сказать, что обозначенные тогда Мухтаром Ауэзовым качества казахов изменились со временем. Тем не менее, автор дважды переписывает пьесу – в 1943 и 1956 годах. Если в первом варианте трагедия преподносится как «результат вражды и жестокости биев», в двух последних вариантах – как смерть Ромео и Джульетты у Шекспира, но в данном случае, как трактует ученый, описанная с исключительным мастерством в чисто казахском национальном духе. Сравнивая все три варианта и внесенные в них изменения, Рымгали Нургалиев приходит к заключению: «Глубина и цельность образов, блестящий язык повествования превращают эту пьесу в классическое произведение». И хотя она после правок была действительно приближена к принципам социалистического реализма, на деле поднялась на высоту оптимистической трагедии. Обостренно сложная бытовая картина получила народное социальное звучание.

Критик особо подчеркивает, что авторская идея поднимается до национального уровня. Яркое проявление характеров героев, трагичность их судеб он сравнивает с выплеском мощной народной энергии. Он не ограничивается решением эстетических задач, а через изменившиеся речевые средства и образы показывает духовное очищение М. Ауэзова и его восхождение на более высокий уровень.

В 1930 году М. Ауэзов был арестован по обвинению в связи с организацией молодых казахских писателей «Алқа» и провел два с половиной года в заключении. Сегодня значительная часть материалов этого дела уже опубликована. От тягот тюремной жизни Ауэзов избавился, написав открытое письмо о признании своих ошибок в газеты «Социалды Қазақстан» и «Казахстанская правда». Однако он не прекращал говорить правду. Чего стоит один только мужественный поступок писателя, когда он выступил в защиту киргизского эпоса «Манас», являющегося духовной ценностью всего тюркского мира?!

21 января 1947 года вышло постановление ЦК Компартии Казахстана «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР». Над казахской культурой, и ее устной литературой в частности, вновь нависла опасность. 11 апреля 1953 года в большом зале Академии наук прошло заседание президиума. С докладом о народном характере казахских героических сказаний на нем выступил кандидат филологических наук Герой Советского Союза Малик Габдуллин. Но даже такой герой не смог противостоять партийным установкам. Всем известно, каким образом партаппарат мог давить на людей.

Каковы были взгляды вышедшего на обсуждение Мухтара Ауэзова? Понимая, что ему не удастся уйти от главных принципов критики, он выразил согласие с докладчиком, признав, что у него были националистические и пантюркистские взгляды. Однако писатель заявляет, что давно отошел от этих идей, и говорит о своих собственных недостатках, а затем переходит на личные взгляды докладчика и его политические позиции.

Прочитаем строки стенограммы заседания.

М. Ауэзов: *«Поставим вопрос – насколько по обсуждаемому вопросу принципиален и справедлив докладчик Габдуллин? Разве в первой части его доклада нет противоречащих мнений об эпосах «Едиге», «Кобланды», «Ер Сайын», «Кенесары» и других сказаниях?»*

...Почему М. Габдуллин всю вину возложил на меня? Разве когда готовился критикуемый том, сам Габдуллин не был вначале заместителем директора, а затем директором института? Почему тогда я должен один отвечать за участие в подготовке тома Исмаилова и Жумалиева? Разве в первую очередь не должен отвечать за это сам Габдуллин?»

...Я полностью доверяю справедливому и объективному решению партии.

...Я прошу облегчить приписанную мне Габдуллиным вину или полностью снять ее, пусть это будет на его совести».

После этого М. Ауэзов останавливается на факте, что в таких эпосах, как «Қобланды», «Қамбар», «Алпамыс», «Ер-Тарғын», «Қыз Жібек», нет положительных образов ханов. Заостряет внимание на том, что нужно проявлять интерес к историчности и особенностям формы сказаний о Билге-кагане, Культегине, Тоныкоке в орхонских письменах. Особый акцент делает на необходимости возвращения народного наследия и очищения его от внесенных позднее дополнений, считая это делом чести казахстанских литераторов.

Позднее Малик Габдуллин доказал, что он по-настоящему благородная личность, способная критически оценивать себя. 28 октября 1955 года он публикует в газете «Қазақ әдебиеті» письмо М. Ауэзову, в котором есть такие слова: *«...В одно время мы переборщили с критикой, которая была местами необъективной. За это прошу у вас прощения».*

Как на это прореагировал Мухтар Ауэзов? Простил ли? Пришли ли к пониманию две яркие личности? Пришли. Мухтар Ауэзов подарил Малику Габдуллину свою книгу «Путь Абая» с автографом: «От всей оттаявшей души». Такую душевную широту мог проявить только чистый сердцем Мухтар Ауэзов. В этом его величие!

Сейчас начали появляться в печати новые, неизвестные ранее сведения об отдельных героях эпопеи «Абай». Например, кто такой акын Шубар? Был ли в действительности такой акын? В этой связи стоит обратить внимание на воспоминания об Ауэзове из книги доктора филологических наук, профессора Султангали Садырбаева «Сөз туралы сөз», а именно – на фрагмент о встрече с М. О. Ауэзовым в марте 1951 года.

«– Абай и Кокбай известны нам всем, а кто это акын Шубар? По-моему, это излюбленный события «Енлік – Кебек» в стихах Шакарим – сын рожденного от байбише Кунанбая Кунке Кудайбергена, – сказал один джигит с холодным видом.

– Мой роман – не историческое повествование. Хотя главный его герой Абай – историческая личность, большинство из окружающих его людей составляют образы, рожденные авторской мыслью. Среди них есть и Шубар. Так есть ли необходимость связывать его с Шакаримом?»

Так кто же был этот «джигит с холодным видом»? Почему был так задет Ауэзов? Думаю, что это представляет интерес для ауэзоведов.

Кем был Ауэзов в это время? В это время Мухтар Омарханович написал роман «Абай», за который получил Сталинскую (государственную) премию I степени, стал признанным писателем. Но слава к нему пришла нелегко.

Роман «Абай» несколько раз выносился на обсуждение. Самое глубокое заключение ему дал на обсуждении 1943 года Габит Мусрепов. Обратимся к его выступлению.

«"Абай" – первый роман в казахской советской литературе, полностью отвечающий требованиям жанра романа».

«Такого, как "Абай", произведения еще не было в сегодняшней казахской литературе».

«...Какова была степень культуры казахского народа, на какой исторической ступени он стоял, все это можно увидеть в "Абае"».

«Это труд, вырвавшийся из сердца писателя!»

«"Абай" написан в духе традиций и лучших образцов передовой европейской литературы».

В этом весь Габит Мусрепов! Как здорово сказано! Мало того, он подверг критике само-го ученого Есмагамбета Исмаилова, до того критиковавшего Мухтара Ауэзова за роман «Абай», полностью сняв все обвинения. К сожалению, сегодня нет на руках стенограммы того обсуждения. Она нужна была бы не для обвинения кого-то, а как свидетельство использования литературы как идеологического оружия «красной империей», играющей судьбой писателя.

Автор романа-эссе «Мой Ауэзов» академик Зейнолла Кабдолов писал: *«Трудно представить русского, не читавшего Толстого, француза, не читавшего Бальзака, казаха, не читавшего Ауэзова».*

Здесь уместно привести также мнение академика Серика Кирабаева: *«В романе... во всей полноте предстает образ великого Абая. Это произведение, наряду с его жизнью, знакомит со всем его творчеством, рождением каждого стихотворения. Абая во многих странах знают не по его произведениям (их перевод все еще не удовлетворяет), а через роман Мухтара».*

Необходимо обеспечить полноценный перевод поэтических произведений Абая не только на русский язык, но и на английский, арабский, французский, испанский, немецкий и другие языки. Потому что узнавший Абая – узнает и казахский народ. А узнавший казахов народ будет знать такого великого ученого и писателя, как Ауэзов.

Ауэзов воссоздал образ Абая Кунанбаева, который является не только крупной исторической личностью, но и разорвавшим пути современного ему общества великим поэтом. Такой образ должен был быть особенным. Однако есть и историческая правда. Перед глазами стояли его бессмертные стихи. Поэтому талантливый писатель, создавая образ Абая и придавая его биографии романтические мотивы, открывал историческую правду.

«Когда знакомишься с образом Абая, – писал академик Мухамеджан Каратаев, – чтение не только не утомляет, но и заставляет понимать и чувствовать все по абавски. В этом сила и привлекательность образа Абая, в него хочется верить».

Конечно, такому содержательному, написанному, как льющаяся из сердца поэма, роману веришь, и он становится очень понятным читателям...

Академик З. Ахметов представляет изображенное в романе Мухтара Ауэзова как ясные видения далекого прошлого. Это проникновенные раздумья в эпилоге эпопеи «Абай».

«Впереди – жизнь, борьба. В этой борьбе он один. Если достигнет вершины, совсем один. Правда, у него есть одна сила и одна надежда. Сила – поэтический дар, надежда – народ. Однако если не пробудится сила, то его не узнает и не пробудится народ. Хватит ли терпения, хватит ли сил?»

«Это была мечта Абая. Почему Мухтар Ауэзов вложил в образ Абая такие переживания? За ними мне видятся проблески света независимости, о которой мечтал Мухтар Ауэзов...»

Мухтар Омарханович Ауэзов познакомил мир с казахской литературой. Эпопея «Абай» показала путь развития казахской литературы от эпоса до эпопеи, сформировала большую литературную школу. Такие видные деятели литературы, как Габит Мусрепов, Габиден Мустафин, Илияс Есенберлин, Абджимамил Нурпеисов, Шерхан Муртаза, Сакен Жунусов, Мухтар Магауин, Кабдеш Жумадилов, прошли духовную школу писателя.

М. Ауэзов как ученый, академик, художник не только внес вклад в общее развитие литературы, но и собирал бесценные памятники устной литературы, кочевой культуры, изучал их и писал по ним пьесы.

«Я лично, выезжая в другие страны, перешагивая порог других наций, всегда брал с собой две святыне ценности: одна – "Манас", другая – Мухтар Ауэзов», – говорил в свое время Чингис Айтматов.

«Нам есть много чему учиться у Ауэзова. В послеабаявский период формирования казахской литературы он первым научил нас писать лирическую, психологическую, объемную прозу». Это сказал корифей казахской литературы Абджимамил Нурпеисов.

Если один из них сравнивает Ауэзова с «Манасом», то второй называет его Учителем.

Не будет лишним еще раз напомнить молодому поколению отзывы о Мухтаре Ауэзове мировых писателей.

Луи Арагон: «Эпический роман "Абай", по моему мнению, – один из самых замечательных романов двадцатого века. Он несет целый мир образов и мыслей и уводит читателя в далекие для нас времена».

Леонид Соболев: «Мухтар Ауэзов сумел переплавить в своем творческом тигле яркую индивидуальность Абая вместе со своей собственной, сумел из своего настоящего проникнуть в темное прошлое своего народа, именно потому, что он как бы продолжил великие заветы своего предка».

Альфред Курелла: «Вы еще не прочли "Абая"? Значит, вы ничего не читали. Это невероятно, это удивительно! Степь жила и пошла на вас, со всем великолепием ее первозданной природы, ее жемчужинами и цельными характерами. А какие страсти – шекспировские! Вы ощущаете эпоху, как ни в одном научном исследовании. А какая поэзия! Ни одной прозаической строки в этих двух объемистых книгах, созданных в форме прозы».

Бенжамен Матип: «Я никогда раньше не слышал о казахах. А теперь знаю их, и очень хорошо знаю, потому что недавно читал на английском языке чудесную книгу Мухтара Ауэзова. Я познакомился с замечательным человеком и поэтом казахского народа – Абаем, с любимыми девушками – Тогжан и Айгерим, с друзьями Абая – добрыми и смелыми людьми. Я полюбил этих героев, полюбил так, будто жил с ними долгие годы, делил их горе и радости. У меня даже такое ощущение, что я сейчас среди них и дышу воздухом ваших степей. В самом деле, какой прекрасный народ – казахи! И как прекрасно написано о нем в романе "Абай"!»

Сегодня совсем иная жизнь у казахов, занявших достойное место среди народов мира. Исполнились мечты Абая и Ауэзова, создается новая история обретшего независимость Казахстана. А Абай, как национальный символ, стоит во главе его летописи. Институт литературы и искусства имени М. Ауэзова выпустил полное собрание сочинений великого писателя в 50 томах и энциклопедию «Ауэзов». Это национальное достояние, научное достояние.

Когда говорим «Абай», перед глазами стоит Ауэзов, а когда говорим «Ауэзов» – то сам Абай.

«Вы еще не читали Ауэзова? Тогда вы еще ничего не читали...»

* * *

Неугасимым достоянием народа является творческое наследие Мухтара Ауэзова. Причем у каждого поклонника свой Ауэзов. Одних увлекают его повести и рассказы, других – его драматургические произведения, а его эпопея «Путь Абая» стала одним из выдающихся произведений мировой литературы, раскрыв не только образ великого поэта, но и характер и душу казахского народа.

Путь к Ауэзову начинается со школьной скамьи и многочисленных томов его книг, спектаклей в театрах, названий улиц и одного из высочайших пиков Тянь-Шаня, наименованного в его честь.

Велика любовь и признательность народа к писателю, чья жизнь и творчество стали бесценным достоянием нации. Тем не менее в его творчестве и биографии остается еще много белых пятен. Отдельные произведения писателя запрещались и издавались заново, получали противоречивые оценки в годы политических гонений. Поэтому в судьбе жившего и творившего в условиях тоталитарной системы писателя было немало тяжелых периодов, падений и взлетов, когда над его головой то сгущались тучи, то наступали просветы. Полным тяжких вызовов и противоречий был жизненный путь писателя, не менее сложным был и его творческий путь. Сейчас по-новому, с позиций обретенной независимости нашего государства ведутся исследования неизвестных ранее страниц жизненного пути писателя, идет переосмысление и постижение творческого наследия М. О. Ауэзова. Так что путь к Ауэзову не зарастет со временем, и его имя будет вечным путеводителем для казахского народа.

